

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. Л. Каплун

Что такое Просвещение? –
Рождение публичной сферы
и публичной политики в России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

В. Л. Каплун

Что такое Просвещение? — Рождение публичной сферы и публичной политики в России

В данной статье я попытаюсь кратко проанализировать происхождение и содержание понятий «публика», «публичная сфера», «общественное мнение» (public opinion, opinion publique), а также соответствующие этим понятиям аспекты социальной реальности. Момент европейской истории, когда эти понятия обретают политический смысл и начинают широко использоваться в общественно-политических дискуссиях, есть одновременно и момент рождения «публичной политики» — и как концепта, и как новой, неизвестной ранее формы культурного опыта, которая будет унаследована, по крайней мере, частично, современными европейскими (и не только европейскими) обществами. Появление этих понятий в европейской мысли XVIII века есть не просто изменение в словарном запасе или даже в «самосознании» европейцев; оно отражает появление новых форм социальных связей, новых видов общественно-политической деятельности и новых социальных институтов. Связанная с этими понятиями совокупность идей, дискурсов и практик будут рассмотрены в нашей статье на основе антропологизированных подходов, предложенных в современной западной политической теории и политической социологии (в частности, в исторической социологии политики), а также в современной исторической науке (в первую очередь, я имею в виду направление, получившее название *cultural history*)¹. Эти подходы во многом

---

¹ Обоснование такого «историзированного» и «антропологизированного» понимания категорий «публичная сфера», «общественное (public) мнение» и «публичная политика» см., например, в: Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: ИД «Искусство», 2001. С.29-30. См. также: Chartier R. Public Sphere: Eighteenth-Century History // Smelser N. & Baltes P. (eds.) International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, Amsterdam: Elsevier, 2001, pp. 12590-12594. Об общих принципах *cultural history* см.: Chartier R. On the Edge of the Cliff. History, Language, and Practices. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. Французский вариант с рядом дополнительных глав: Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitude et inquiétude. Paris: Editions Albin Michel, 1998.

противоположны формально-структурному методу анализа, нередко используемому историками политических идей и специалистами в области сравнительной политологии, которые делают акцент на формальных сходствах или несходствах политических дискурсов и институтов и игнорируют реальные *способы функционирования* дискурсов и институтов, которые могут очень сильно различаться в обществах с разными политическими культурами. Пользуясь формально-структурным методом, «публичную сферу», «общественное (public) мнение» и «публичную политику» легко можно обнаружить в любом обществе и в любой момент истории. В рамках же используемого здесь подхода рассматриваемые понятия исторически и концептуально связаны с европейским Просвещением.

Просвещение понимается нами не просто как исторический период, определяемый хронологически (XVIII век), и не как корпус абстрактных идей, основанных на вере в «естественный свет» разума и вытекающих из нее универалистских претензий (как часто определяют Просвещение историки идей), но как особый социо-культурный феномен, типологически связанный с появлением в обществах Старого порядка 1) новой институциональной реальности – «public sphere» и 2) новой общественной силы и авторитета – «public opinion». В такой методологической перспективе конституирующим элементом Просвещения следует считать появление «публики» как особой социальной группы. Концептуально такой подход берет начало в критической философии Канта; он получил развитие в работах ряда современных авторов, в частности, Ю. Хабермаса. Анализ Просвещения при таком подходе должен охватывать два уровня: институциональный - уровень «публичной сферы» - и антропологический – уровень культурных практик социальных акторов Просвещения, образующих «публику».

Таким образом, «публичная сфера», «общественное (public) мнение» и «публичная политика» рассматриваются здесь не как трансисторические категории, приложимые к любой эпохе и любому обществу вне зависимости от его политической культуры. Эти понятия отражают новую историческую реальность, появляющуюся одновременно в умах и в обществе в конкретный момент европейской истории и воплощающуюся в конкретных практиках (способах действовать и мыслить) социальных акторов. Речь, таким образом, идет о новых для европейской истории

формах культурного опыта в сфере политики, этики, социальных институтов².

Вспомним кантовское определение: «**Просвещение** — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! Имей мужество пользоваться *собственным* умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения»³. Для анализа Просвещения принципиально важными оказываются введенные Кантом понятия «публики» (Publikum) и «публичного использования разума». Публичное использование разума — это такое использование разума, которое «осуществляется кем-то *как ученым* перед всей *читающей* публикой»⁴. Оно противостоит частному использованию разума, т.е. такому, «которое осуществляется человеком на доверенном ему *гражданском посту* или службе»⁵. Кантовское определение «публичного» и «частного», таким образом, не совсем традиционно. Согласно Канту, публика состоит из индивидов, которые мыслят самостоятельно, говорят и действуют как частные лица и от собственного имени и участвуют в критическом дебате на общественно важные темы письменным (точнее, печатным) словом. Иными словами, публика есть совокупность частных лиц, способных самостоятельно пользоваться собственным разумом и объединенных в едином публичном пространстве дискуссии. Согласно кантовскому определению, публичное есть одновременно сфера универсального, приватное же есть сфера домашнего. Причем к этой сфере относится любое использование разума человеком, действующим не от своего лица, но в качестве члена какой-либо корпорации, сколь угодно большой, в том числе и такой, как Церковь или государство. Когда чиновник говорит как чиновник, т. е. как «должностное лицо», как член корпорации — сколь бы ни была велика

---

² О понятии «форма опыта» и о принципе историчности форм опыта см.: М. Фуко. Введение // М. Фуко. Использование удовольствий. Пер. с фр. В.Л.Каплуна. СПб: Академический проект, 2004. С.5-54. М. Фуко. Ницше, генеалогия, история // Ницше и современная западная мысль. Под ред. В.Л. Каплуна. СПб, М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2003. С.532-559. Foucault M. Preface to the History of Sexuality // Rabinow P., ed., The Foucault Reader. New York: Pantheon Books, 1984. P.333-339. Foucault M. Foucault // Foucault M. Dits et écrits. V.4. Paris: Gallimard, 1994. P.631-636.

³ Кант И. Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?» (1784) // Кант И. Собр.соч. в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С.30.

⁴ Там же. С.31.

⁵ Там же.

аудитория, к которой он при этом обращается, — он осуществляет частное использование разума. Но если тот же человек говорит как частное лицо, только от своего собственного имени, и если он при этом, будучи «ученым», способен к самостоятельному и независимому использованию собственного разума через письменное или печатное слово — он, по Канту, осуществляет публичное использование разума.

М. Фуко полагает, что с этим небольшим текстом Канта в историю мысли входит вопрос, который становится одним из основных вопросов современной философии⁶. Просвещение — это событие, во многом определившее «то, что мы есть, что думаем и что делаем сегодня», и в той или иной форме вся современная философия — в той мере, в какой она является современной, — пытается ответить на этот поставленный более двух веков назад вопрос: «Что такое Просвещение?»⁷.

Именно с Просвещением европейская мысль впервые постулирует необходимость критической рефлексии над спецификой собственной эпохи, своего настоящего времени. И одновременно — необходимость критической работы мысли над самой собой, обнаружения исторических условий, которые сформировали или обусловили наше мышление и сделали нас такими, какие мы есть в нашем «сегодня». Этот перманентный анализ обусловленности собственного мышления является необходимым условием «эмансипации» мысли, превращения себя в субъект собственного разума.

Как отмечает Фуко, у Канта Просвещение понимается двойственно. С одной стороны, это уже идущий общественно-политический процесс, с другой — задача, или обязанность, каждого человека как представителя публики. Просвещение есть «одновременно процесс, в который люди включены коллективно, и акт мужества, осуществляемый каждым лично»⁸. Согласно Канту, задача состоит в том, чтобы освободиться от интеллектуального (и как следствие политического) «опекунства». Поскольку каждый человек сам ответственен за свое «несовершеннолетие», выйти из него он может, лишь изменив себя, став субъектом собственного разума. В определенном смысле Просвещение — это самопросвещение публики, и Кант полагал (как показало время, несколько наивно), что публика сама себя просветит, достаточно лишь

---

⁶ См.: Foucault M. Qu'est-ce que les Lumières? // Foucault M. Dits et écrits. V.4. Paris: Gallimard, 1994. P.562-578.

(рус. пер. см.: Фуко М. Что такое Просвещение? // <http://www.lib.ru/CULTURE/FUKO/nachala.txt>)

⁷ Ibid. P.562-563.

⁸ Ibid. P.565.

предоставить ей свободу, причем «самую невинную» – свободу публично пользоваться своим разумом.

Можно сказать, что условием Просвещения является определенное сочетание «позитивной» и «негативной» свободы (я использую здесь понятия, введенные И. Берлиным)⁹. Просвещение возможно, когда складывается «публика», состоящая из субъектов действия, которые: 1) должны стремиться к автономии в использовании собственного разума (и потому Просвещение есть эпоха Критики); 2) должны быть избавлены от преследования извне за публичное использование своего разума.

Отсюда следует, что вопрос об условиях Просвещения сочетает духовный и институциональный, этический и политический аспекты. Этический связан с ответом на вопрос: как возможно превратить себя в субъект собственного разума и собственных действий? Политический – с ответом на вопрос: как возможна свобода публичного использования разума?

Вернемся к понятиям «публики», «публичной сферы», «общественного (public) мнения» и «публичной политики». Как было сказано, для Канта публичная сфера есть сфера частных лиц, осуществляющих публичное использование разума. Опираясь на кантовскую традицию, Ю. Хабермас в своей ранней работе¹⁰ попытался исследовать институциональный аспект Просвещения – структуру и характер публичной сферы в момент ее возникновения в обществах Старого порядка. Согласно Хабермасу, в европейских обществах на протяжении XVIII века – где-то раньше, где-то позже – появляется политическая публичная сфера (которую Хабермас называет также «буржуазной публичной сферой», рассматривая ее как институциональную технологию, с помощью которой третье сословие совершает свое социальное восхождение). В политическом отношении политическая публичная сфера есть пространство дискуссий и политической критики, несовпадающее с государством (сферой административной власти); именно здесь формируется новая общественная сила – «public opinion». В социологическом отношении она отличается как от двора и придворного общества, так и от народных масс, не имеющих доступа к критическому дебат в силу недостатка образовательных и материальных ресурсов.

---

⁹ См.: Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.128-185.

¹⁰ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1962 (англ. пер.: *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: Polity Press, 1989).

Институционально публичная сфера опирается на: 1) разного рода негосударственные организации и институты (салоны, литературные и дружеские общества, кофейни и чайные дома, клубы, масонские ложи и т. д.), обеспечивающие выработку новых форм социальности; 2) газеты, журналы, книги, циркуляция которых обеспечивает коммуникацию внутри публичной сферы.

Политическая публичная сфера, полагает Хабермас, формируется в европейских обществах XVIII века из литературной публичной сферы. Как показывают работы современных авторов, тезис о генетической связи между политической и литературной публичной сферой убедительно подтверждается, в первую очередь, на материале французского Просвещения. Тезис этот, впрочем, не нов. Сходное наблюдение мы встречаем уже А. де Токвиля в книге «Старый порядок и Революция» (1856). По словам Токвиля, во Франции интеллектуалы, люди письменного слова, — *hommes de lettres* — к середине XVIII в. начинают оказывать столь сильное влияние на умы, что постепенно становятся «самыми влиятельными политиками» (*публичными политиками* — как сказали бы мы сегодня). Миру повседневного управления, осуществляемого служащими королевской администрации, — запутанному, пристрастному, основанному на неартикулированных правилах, диктуемых обычаем и случайностями традиции, — они противопоставляют мир простых и ясных всеобщих законов, основанных на «естественном свете разума». Итогом становится радикальная политизация литературы и литературизация политики, и французы, как пишет Токвиль, «начинают применять к политике всю свою литературную выучку»¹¹. Современный подробный социо-культурный анализ «публичной сферы», «общественного (public) мнения» и «публичной политики» во Франции эпохи Просвещения проделан, в частности, в книге одного из наиболее авторитетных теоретиков *cultural history* Р. Шартье «Культурные истоки французской Революции»¹².

Этот анализ в значительной степени приложим и к российскому Просвещению, развивавшемуся в запаздывающем диалоге с французским. В рассматриваемой перспективе российское Просвещение хронологически следует датировать концом XVIII — первой третью XIX в. Именно к этому периоду относится появление, расцвет и закат публичной сферы соответствующего типа в России. Не вдаваясь в подробности,

---

¹¹ Токвиль А. Старый порядок и Революция, кн. III, гл. 1 «Каким образом к середине XVIII столетия литераторы сделали во Франции самыми влиятельными политиками и что из этого вышло» // Новое литературное обозрение. 1994. №4. http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/FR_LIT.HTM

¹² Шартье Р. Указ. соч.

отметим, что в указанный период в России резко возрастает количество, с одной стороны, разного рода негосударственных институтов, на которые опирается публичная сфера (более или менее политизированные литературные салоны и общества, офицерские клубы и артели, масонские ложи, тайные общества и т. д.), а с другой – периодических печатных изданий (газеты, журналы) и книг, обеспечивающих коммуникацию внутри публичной сферы. Институционально литературная публичная сфера начинает формироваться в России уже в екатерининскую эпоху. Сама Екатерина в определенной степени активизирует этот процесс, стремясь его контролировать и направлять. В частности, она инициирует создание первого русского еженедельного сатирического журнала «Всякая всячина» (1769), ориентированного на английские образцы начала XVIII столетия. Однако истинный расцвет и постепенная политизация этой литературной публичной сферы приходится на эпоху Александра I.

Культурная специфика публичной политики в России в момент ее появления связана с особенностями русской публики, которая формируется в указанную эпоху главным образом из дворянской среды. Именно дворянские интеллектуалы, способные оказывать влияние и на широкую читающую публику, и на действия правительства, начинают в эту эпоху играть новую для русской культуры социальную роль «публичных политиков».

Сказанное означает, что хабермасовская концепция «буржуазной публичной сферы» нуждается в корректировке: не столько *классовая*, сколько *культурная* принадлежность публики оказывает решающее влияние на характер публичной сферы и публичной политики. Поэтому для понимания антропологической специфики публичной гражданской культуры, складывающейся в России с конца XVIII в., важно учитывать специфику сферы частной жизни, быта и культуры российского образованного дворянства этой эпохи.

Важной антропологической особенностью публичной культуры этой эпохи является ориентация на античные республиканские образцы. Культ античности в конце XVIII – начале XIX вв. охватывает практически все стороны жизни образованной российской публики – литературу, театр, живопись, архитектуру, искусство интерьера, садово-парковое искусство, моду и т. д. Но это увлечение греко-римской античностью затрагивает не только художественные жанры и сюжеты; оно активно проявляется и на антропологическом уровне норм, правил, ценностей и культурных практик социальных акторов. В этот период античные республиканские модели оказывают влияние на понимание индивидами самих себя, на индивидуальные практики «самосовершенствования личности», на

повседневное поведение людей в частной жизни, на их отношение к другим и к проблеме действия в публичной сфере. Античные образцы начинают играть важную роль в воспитании детей и молодежи (известно, что античные авторы в этот период прочно входят в круг детского чтения, а античные персонажи – например, римские республиканцы и доблестные граждане греческого полиса из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха – становятся образцами в нравственном и гражданском воспитании). Почти обязательны обращения к античным моделям в публичных дискуссиях той эпохи, посвященных проблемам общественного блага и индивидуальной свободы. В результате этого диалога с античностью рождаются новые формы и фигуры российской этической и политической мысли, оказавшие влияние как на ход общественных процессов в ту эпоху, так и на последующее развитие русской культуры.

Хорошо известны работы Ю. Лотмана, посвященные «семиотике бытового поведения» русского дворянства этой эпохи. Как отмечает Лотман, с конца XVIII века индивиды (по крайней мере, в среде образованного дворянства) нередко стремятся стилизовать свой быт и поведение на основе художественных (литературных и театральных) моделей; границы между повседневной жизнью и искусством стираются¹³. Развивая эту идею Ю Лотмана, можно констатировать, что «искусство жизни» русского просвещенного дворянства в конце XVIII – первой трети XIX века включает в себя умение применять к собственному существованию культурные модели, почерпнутые у древних. Подчеркнем, что речь идет не о буквальном подражании, но о концептуальных инструментах и фигурах мысли, рождающихся и развивающихся в диалоге с античностью. Культурные модели греко-римской античности в рассматриваемую эпоху широко используются как своего рода «операторы смысла», причем как в сфере действия в публичном пространстве, так и в приватной сфере отношения индивида к самому себе и осмысления собственного индивидуального опыта.

Приведу пример. Одним из самых читаемых античных авторов в России второй половины XVIII – начала XIX вв. был Гораций. Достаточно вспомнить российскую судьбу его знаменитой оды «К Мельпомене»: за переводом Ломоносова следует целый ряд других переводов, и что еще важнее, значительное количество оригинальных

---

¹³ См. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994; Лотман Ю. Литература в контексте русской культуры XVIII в. // Лотман Ю. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство-СПб, 2005.

подражаний и стилизаций, среди которых – стихотворения М. Н. Муравьева, Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, не говоря уже о бесчисленных прозаических отсылках к этому произведению, в том числе, и в нелитературных текстах, таких как письма, дневники и др. Однако, для российских «публичных интеллектуалов» этого периода важны не только и не столько жанровое своеобразие и поэтика текстов Горация, сколько гораціанский экзистенциальный выбор, выбор человека письменного слова, поэта, философа, политика, воина, живущего в «Августов век» – эпоху установления Империи и гибели республиканских свобод и добродетелей. Можно сказать, что антропологическая модель «Гораций» имеет важное значение для понимания гражданской культуры российского Просвещения в целом. С этой моделью связано появление новой антропологической фигуры в культуре русского Просвещения – «поэт-гражданин», «литератор, *homme de lettres* (в самом широком смысле слова – писатель, историк, журналист, ученый и т. д.) – публичный политический деятель» (частное лицо, действующее мыслью и письменным словом на сцене Истории ради общественного блага). Эта фигура появляется в российской культуре конца XVIII – начала XIX века во многом под влиянием культурной модели французского Просвещения (где, как мы сказали выше, *hommes de lettres* становятся влиятельными «публичными политиками» к середине XVIII века). Можно сказать, что данная модель в целом символизирует первое появление в России «публичной сферы» и характеризует процесс формирования самосознания русской публики как особой социальной группы.

Гражданская культура, ориентированная на античные республиканские образцы просуществовала в России в качестве политической доминанты сравнительно недолго. Как известно, ее естественное развитие было в силу ряда исторических причин резко нарушено. Характерные для этой гражданской культуры типы этического субъекта и элементы публичной сферы после разгрома движения декабристов и усиления политической реакции в период царствования Николая I радикально трансформируются. Введение жесткой цензуры и полицейского контроля над общественной жизнью быстро приводят к упадку и вырождению публичной политики. Фундаментальный культурный разрыв между двумя эпохами выражается в частности и в том, что античность перестает быть источником экзистенциальных моделей для образованной российской публики (в том числе, республиканских моделей в политике) и «институализируется» – превращается в университетскую и академическую дисциплину (эта трансформация

вписывалась в общую программу уваровских образовательных реформ). В дальнейшем и публичная сфера, и публичная политика в России будут возрождаться уже в совсем других формах.